

Вот так и у нас...

Кот

Кот жил на болоте. Он всегда был в репьях. Его когтистые лапы всегда были грязны. Иногда Кот пытался их отмыть, но от болотного ила першило в горле, и Кот бросал это безнадежное дело. Иногда Кот лазил по деревьям. Однажды Сойка выпорхнула из своего дупла, полная планов и надежд, но влетела не туда: Котик выплюнул хвостовые перья, оставив дучку недоумевать вечно. Так случается с каждым из нас.

Котик не любил осень, когда на болоте полно грязищи. Осень не любила его, вполне взаимно. Куропатки, мыши, иногда даже — молодые черепашки... Жизнь в камышах... Кот не был религиозен. Амбициями не страдал. Жизнь несла его по течению среди болот. Досаждали бесчисленные колючки, облепившие хвост.

И вот как-то раз Котик гулял в поле и обнаружил двери. Двери в чистом поле, без ничего. И никакого дома. Ничего. Только двери, скрипящие на петлях. Понятно, что пользы от них в такой ситуации немного. Если нормальные, обычные двери закрываются, то замыкают некий внутренний объем, отгораживая его от остального мира. А эти двери стояли нараспашку посреди распаханного поля. Какой толк от них? Зачем они? Кто поставил их тут? Но было забавно пройти через, хотя так же спокойно можно было бы пройти рядом.

Только открывая дверь, Котик чувствовал, что переходит некий рубеж, преодолевает какой-то запрет, проникает в то место, которого никогда бы не узнал, если бы просто обошел кругом эти бесполезные двери, стоявшие посреди поля.

Дверь сама по себе — провокация. В нее хочется войти. Это очень сексуально. Дверь, не замыкающая собой пространства, страшна, потому что неясно, выход это или вход. Однако несомненно, это был некий проход. Иногда можно помечтать, что за дверью все изменится и будет совершенно иначе, чем перед ней. Двуликий Янус — у римлян — бог входа и выхода (от слова *janua* — *дверь*), а оттуда же и *январь* — *открывающий год*.

Котик ходил туда-сюда и никак не мог понять, где же, собственно, вход, а где выход. Совсем запутался в топологии, хотя дело происходило, я подчеркиваю: в чистом поле. И это наполняло его жизнь новым духовным содержанием. Вот так и у нас...

Собака

Когда мне только минуло десять лет, я нашел собаку. Отобрал щенка из грязных лап подлых хулиганов, которые пытались, как впоследствии оказалось, сделать с ней что-то плохое. Ни фиги. Я им не дал. Забрал ее к себе, поставил маму с папой перед фактом, что теперь у нас есть собака. Назвал ее Аввой, как у доктора Айболита. Дворняга чистой воды, из тех, что рождаются по любви, а не по расчету. Двортерьер.

Вначале псина жила в посылочном ящике из фанеры, 30х30х40 см. Тогда у нее был лысый и розовый животик. В те времена все собаки должны были иметь паспорт и номерок на ошейнике, ибо по улицам разъезжала грозная "будка". Я по приколу записал ее как "Авулинду Владимировну Ефименко" (наличие фамилии владельца было обязательным, а отчество я уже вставил сам, назло этому идиотизму), то есть как бы удочерил.

Когда собака подросла, то, привыкшая жить в своем посылочном ящике, уже не помещалась в нем, и я выломал одну из стенок, чтоб она могла укладываться в него хотя бы свою морду, потому что Авва стала в четыре раза больше. Потом ей пришлось выделить персональное кресло с мягкой обивкой. Авва была запасливой особой: мы много раз недоумевали, почему в комнате такая вонь? Оказывается, красotka прогрызла в кресле дыру и туда складывала кости про запас.

Когда наша кошка попала под машину и погибла, осталось четверо котят. Авва, будучи девственницей, все же приняла их на пузо, и маленькие котятка грелись там, посасывая ее пустышки. Девушка была невероятно музыкальной. Когда по телеку предавали программу "Время", там в конце был прогноз погоды под музыку известной французской песни. В русском переводе там было что-то насчет того, как чувак затерялся в толпе и никак не может себя найти. Авва пела, абсолютно точно интонируя, и пела с удовольствием. Гости поражались. Когда мама играла эту мелодию на фортепиано, собака узнавала песню и подвывала.

Она прожила долгую, по собачьим понятиям, жизнь. Пятнадцать лет. Когда я приезжал в отпуск из армии, она уже плохо видела — бельма на глазах. Она узнавала меня, скорее, по запаху. И виляла хвостом.

Потом, когда я пришел на дембель, первое, что меня ошарашило, это то, что на месте Аввы, в ее кресле, чтобы прикрыть зияющую пустоту, положен плюшевый мишка. Я сразу понял, что собаки не стало. Родители рассказали, как она умерла (мне подчеркнуто не хочется употреблять сло-

во "подохла", как обычно говорят о животных, потому что это был друг и член семьи). Я был на месте, где ее закопали, в Первомайском скверике. Там раньше был летний кинотеатр.

Потом, много лет спустя, сижу на улице на каком-то приступочке с бутылкой пива и о чем-то размышляю. Мимо ходят люди, много людей, но никому нет до меня дела. В целом, картина напоминала рассказ Гофмана "Угловое окно". Люди ходили, разговаривали, тусовались, а я сидел. И почти плакал, потому что их было много, но всем я безразличен. Если мимо шла славная женщина, я мог, хотя это и нескромно, сказать ей, как, мол, хороша! Так, слегка, подстебнуть. Она делает удивленные глаза, но все равно ясно, что ей приятно. И сидя там, на завалинке, понял, что всем на всех наплевать. Это только я их вижу, а они меня даже не замечают. Или это у меня такая профессия — наблюдать? Что я им — "дежурный по апрелю"?

Почувствовал себя человеком-невидимкой. Сколько людей прошло! Старых и молодых, красивых и не очень. Медленно, быстро. И каждый — по своим делам. Я вспомнил, что эгоисты — это те люди, которые делают "все только для себя, а не для меня". Шли сплошным потоком, а я все сидел и смотрел. Их было много. Потом пришла мысль, что китайцев — еще больше. От них мельтешение было бы еще сильнее.

Всем от каждого что-то нужно. Всем на все начхать. Но собаке — нет. Она рада уже тому, что ты просто — есть. А тогда, на улице, я не был уверен, что я — есть. Аз есьм, в смысле.

